УДК 323.1 DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-4-116-124

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ШОТЛАНДСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ БРИТАНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

***Тюрин Е.А.*[1]**

В данной статье автор рассматривает особенности формирования национального самосознания шотландцев в контексте анализа проблемы регионализации британской государственности. Большое внимание уделено историческим детерминантам формирования концептуальных основ Соединенного Королевства и британской национально-государственной идентичности. Это позволило автору выделить ключевые элементы функционирования Союза, которые в политической практике подкреплялись юнионистской идеологией, отличавшейся от концепций континентальных партнеров о принятии многонационального характера государственного устройства и поддерживавшей идею шотландской исключительности, направлявшейся в русло интересов централизованного британского государства. Отдельно в статье затрагивается проблема британского патриотизма в его имперском и национальном проявлениях. Рассматривая социально-политические (в том числе, партийные) аспекты шотландского национального самосознания в рамках британской идентичности, автор делает вывод о том, что идея социальной солидарности, развивавшаяся в контексте эволюции Союза, стала тесно связываться с национальной идентичностью шотландцев. В качестве же основного предмета своих рассуждений автор выдвигает вопрос о том, почему шотландская национальная идентичность сохранилась (временами даже процветала) в условиях британской государственности, и приходит к выводу: в то время как в других государствах стремились сформировать унифицированную идентичность, в Великобритании наблюдался дифференцированный подход.

Ключевые слова: Шотландия, национальное самосознание, идентичность, государственность, социально-политические отношения, британская нация, юнионизм, Соединенное Королевство.

PECULIARITIES OF FORMING SCOTTISH NATIONAL SELF-CONSCIOUSNESS IN THE CONDITIONS OF DEVELOPMENT OF BRITISH STATE: SOCIO-POLITICAL ASPECTS

TURIN E.A. – Candidate of Political Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: Turin.of.Foveran@yandex.ru

In the article the author examines the features of the formation of Scottish national identity in the context of analyzing the problem of the regionalization of British statehood. Great attention is paid to the historical determinants of the formation of the conceptual foundations of the United Kingdom and the British national-state identity. This allowed the author to identify the key elements of the

Тюрин Евгений Анатольевич, кандидат политических наук, доцент; доцент кафедры политологии и государственной политики; Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, адрес: 302028, г. Орел, бульвар Победы, 5а, e-mail: Turin.of.Foveran@yandex.ru

functioning of the Union, which in political practice were backed by unionist ideology that differed from the concepts of the continental partners about the adoption of multi-national nature of the state structure and supported the idea of Scottish exclusiveness that was channeled into the mainstream of the interests of centralized British state. Separately, the article touches upon the problem of British patriotism in its imperial and national manifestations. Considering the socio-political (including party) aspects of Scottish national identity within the framework of British identity, the author concludes that the idea of social solidarity, developed in the context of the evolution of the Union, became closely associated with the national identity of the Scots. As the main subject of the discourse, the author raises the question of why the Scottish national identity was preserved (at times even flourished) in the conditions of British statehood, and concludes: while in other states they were trying to form a unified identity, a differentiated approach was observed in Great Britain.

***Keywords*:** Scotland, national identity, identity, statehood, socio-political relations, British nation, unionism, United Kingdom.

Существует точка зрения, что британская нация сформировалась после Унии Шотландии и Англии (далее - Союз), наряду с новой британской государственностью, но это далеко не так. Процесс был долгим и неполным по сравнению с интегрированными европейскими странами, такими как Франция. Он также не был схож с процессами, происходившими в Испании или Бельгии. Противоречивое видение государства и нации также имело место быть, но, как правило, оно подвергалось корректировкам или пересмотрам на альтернативных этапах ассимиляции и дифференциации, без разработки четкой доктрины или последовательной институциональной структуры. Впрочем, это лишь вопрос времени. Как заметил Булпитт, Союз пришел на «кельтские» территории слишком поздно, чтобы считать себя неотъемлемой частью Англии и слишком рано для процессов социальной и политической ассимиляции, которые могли бы создать унитарное государство, а также слишком рано для доступных федеральных идей и для идеологии буржуазного национализма[1]. Ключевыми элементами Союза были:

1. функциональная интеграция;
2. сохранение старой английской конституции, объясняющей тенденцию Англии отрицать разрыв в 1707 году и призвать к унитарному государству;
3. включение Шотландии в унитарное государство, благодаря неофициальному характеру конституции;
4. ограничение процессов социализации и национального строительства, которые менялись с течением времени;
5. периодическое восстановление шотландской национальной идентичности как конкурента (или составной части) британской идентичности;
6. практики территориального управления;
7. баланс экономической выгоды, обеспечивающий инструментальную поддержку.

Названные элементы подкреплялись юнионистской идеологией, которая отличается от концепций континентальных партнеров о принятии многонационального характера государственного устройства, а также поддерживает идею шотландской исключительности, направляя ее в русло интересов централизованного британского государства.

Целью данной статьи не является изучение истории Союза, так как этому вопросу

[1] Bulpitt J. Territory and Power in the United Kingdom. An Interpretation, Manchester: Manchester University Press, 1983.

посвящено значительное количество работ разных авторов[1], научные дебаты которых сформировали политические аргументы о месте Шотландии в Соединенном Королевстве. Юнионисты и националисты, обращаясь к сущностной природе Союза, трактуют его либо как: 1. аннексию Англии; 2. коррумпированную сделку предательских шотландских элит; 3. создание единого британского идеала; 4.союз равных. Формально Союз принял форму договора между парламентами Англии и Шотландии, хотя имело место принуждение, и это было едва ли добровольное соглашение равных сторон. Тем более, что в восемнадцатом веке не было никаких опросов общественного мнения и настроения населения (прежде всего шотландского) были довольно враждебными. В конечном счете, для исследователя важно то, что форма Союза имеет решающее значение для его последующего понимания и изучения. А так как отношение к Союзу является краеугольным камнем шотландской политической доктрины, его форма всегда потенциально может быть пересмотрена Шотландией.

Союз официально упразднил оба парламента, но на практике оставил английский парламент действующим, приняв в него шотландских членов и пэров. Большинство шотландских учреждений, включая церковь, местное правительство и правовую систему было включено (но не ассимилировано) в союзную модель. Существующие положения о монархии и религии были подтверждены. Это никоим образом не было похоже на современную конституцию, т.к. не было никаких ссылок на суверенитет. Смутная оговорка указывала, что вопросы «общественного права» могли решаться на уровне центрального (британского) парламента, но вопросы «частного права» могли быть решены только «за очевидные выгодные действия со стороны Шотландии»; стремления к федеральному союзу в институциональной форме не приветствовались. Результатом этого стала конституция, которая может быть интерпретирована двумя способами. Для англичан это было просто расширение существующего государства и конституции, как показывает их постоянное использование понятий «Англия» и «английский язык» по отношению к Союзу. Для шотландцев это был союз народов, в котором некоторые находили основу новой британской нации, в то время как другие видели в нем защиту своего собственного национального статуса в опасном мире. Отсюда следует, что нам нужно знать, по крайней мере, почему шотландская национальная идентичность сохранилась (и даже временами процветала) в условиях британской государственности.

В то время как в других государствах стремились сформировать унифицированную идентичность, в Великобритании наблюдался дифференцированный подход. Монархи, как правило, считали себя как англичанами, так и шотландцами, хотя некоторое неудобство заключалось в том, что их нумерация различалась в зависимости от того монархом какой страны желал именовать себя в конкретной ситуации государь (так, Джеймс I Английский одновременно был Джеймсом VI Шотландским и т.п.). Более того, в определенные периоды времени, особенно в 1903 и 1953 годах, нумерация монархов осуществлялась только по отношению к Англии[2]. Армия является одним из немногих институтов, которые в Соединенном Королевстве неизменно считаются исключительно британскими, даже в Англии. Тем не менее, юнионисты являются одними из самых ярых защитников идентичности различных шотландских полков.

[1] Scott P.H. Andrew Fletcher and the Treaty of Union, Edinburgh: John Donald,1992; Riley P.W.J. The Union of England and Scotland. A Study in Anglo-Scottish Politics of the Eighteenth Century, Manchester: Manchester University Press, 1978; Fry M. The Union. England, Scotland and the Treaty of 1707, Edinburgh: Birlinn, 2006; Ferguson W. Scotland's Relations with England: A Survey to 1707, Edinburgh: John Donald, 1977; Whatley Ch. The Scots and the Union, Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006; Macinnes A.L. Union and Empire: The Making of the United Kingdom in 1707, Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

[2] Finlay R.J. A Partnership for Good? Scottish Politics and the Union since 1880, Edinburgh: John Donald,1997.

Правда, возникали и периодические попытки ассимиляции. В восемнадцатом веке, был введен термин «Северная Британия», а некоторые представители британской интеллигенции (включая знаменитого Дэвида Юма) даже пытались скрыть свои шотландские корни.

В то время как некоторые шотландцы (которых было ничтожно мало) приняли название «Северная Британия» в 1980-х годах, англичане никогда не использовали термин «британцы» и продолжали называть себя англичанами, не говоря уже об Англии, которую они никогда не называли «Южной Британией». Но к концу девятнадцатого века рост шотландского национального самосознания сделал политически неприемлемой дискриминацию шотландской идентичности. Премьер-министра лорда Солсбери постоянно критиковали за использование термина «Англия» по отношению к Великобритании[1], и во время Первой мировой войны такие случаи участились[2]. ситуация, когда политическим лидерам приходилось учиться отражать подобные атаки, оставалась неизменной вплоть до 1960-х годов. В результате шотландцы сформировали двойную идентичность: шотландскую и британскую, а англичане смешивали их. Джеймс Брайс писал: «Англичанин имеет всего лишь один патриотизм, так как Англия и Соединенное Королевство значат для него одно и то же»[3]. Пренебрежительное отношение англичан к подобной терминологии продолжается по сей день, в то время как для шотландцев это совершенно неприемлемо. Однако, данная ситуация дает нам еще один ключ к пониманию социокультурных основ Союза, а также глубинных причин регионализации британской государственности. Для англичан Британия является «Великой Англией» и между ними нет разницы. По их мнению, Шотландия - всего лишь несущественная часть общего государственно-территориального образования, поэтому ее отделение могло бы быть совершенно незаметным. Данное положение меняется лишь в некоторых отдельных случаях, когда шотландцы необходимы для разрешения возникающих общих проблем и противоречий.

Для шотландцев же британскость (британская идентичность) дает преимущества существования в рамках более крупного государственного образования, но, при этом, позволяет им сохранять свою собственную национальную идентичность[4]. Данное обстоятельство радикально отличает Шотландию от Англии, в которой проблемы идентичности возникают в периоды политической напряженности.

Было бы ошибкой думать, что британская идентичность была не более, чем проявлением империализма, и исчезла вместе с падением Британской империи. Массовые войны в XX веке оказали колоссальное мобилизующее влияние на британское общество, как это было в других европейских государствах. Своей наивысшей точки британский патриотизм достиг во времена Первой мировой войны, а к началу Второй мировой войны он усилился идеей о том, что битва идет за правое дело. Правительство и BBC предприняли сознательные попытки представить британскую нацию во внутренней и внешней информационной среде избегая синонимических отсылок к Англии[5]. Хотя Тоби Хэггит утверждает, что пропагандистские фильмы того времени были полны английских пейзажей, создававших недвусмысленные образы Британии как

[1] Finlay R.J. A Partnership for Good? Scottish Politics and the Union since 1880, Edinburgh: John Donald,1997.
[2] Weight R. National Identity in Britain, 1940-2000, London: Macmillan, 2002.
[3] Bryce J. letter to The Times, quoted in Ian McBride, «Ulster and the British Problem», in Richard English and Graham Walker (eds.), Unionism in Modern Ireland, London: Macmillan, 1887.
[4] Тюрин Е.А., Савинова Е.Н. Национальный стиль развития политического процесса в современной Шотландии: к вопросу о шотландской идентичности // Власть. 2015. № 4. С. 195-201.
[5] Nicholas S. «From John Bull to John Citizen: Images of National Identity and Citizenship on the Wartime BBC», in Richard Weight and Abigail Beach (eds.), The Right to Belong. Citizenship and National Identity in Britain, 1930-1960, London: I.B. Tauris, 1998; Webster W. Englishness and Empire, 1939-65, Oxford: Oxford University Press, 2005.

Англии[1]. Впоследствии, в городах и деревнях по всей стране возникали военные мемориалы, а также проводились ежегодные церемонии в честь памяти погибших. Послевоенное правительство лейбористов опиралось на основы патриотизма и коллективизма, используя в своей риторике категории «социального государства» и «национальной промышленности», где понятие «нация» явно относилось к Великобритании и ко всем британцам.

Образование в Соединенном Королевстве играло менее значительную роль в формировании национального государства, чем в других европейских странах. Британского министерства образования никогда не существовало, английские и шотландские системы сохраняли свою автономию, и до конца двадцатого века наблюдались значительные проявления регионализации в этой сфере. Знаковый закон Батлера 1944 года, направленный на формирование новой, очевидно более демократической образовательной системы, концептуально основанной на мобилизации населения в военные годы, имел свою силу только в Англии. Патриотизм не повлиял на программу обучения, но по мере развития британского образования с конца девятнадцатого века, он был сосредоточен на имперской идентичности. В конце 1950-х годов в классах висели карты, на которых можно было увидеть большое количество территорий, окрашенных в розовый цвет, и День Империи (позже День Содружества) был главным поводом для патриотической демонстрации имперской идентичности. Только в конце девятнадцатого века образование стало средством формирования настоящего не имперского гражданства и национальной идентичности, в частности в Англии.

В Шотландии же все обстояло несколько иначе, хотя она и была связана обязательствами с Союзом и Империей. В рамках этих отношений в шотландских периодических изданиях можно было прочувствовать определенную культурную составляющую и особое внимание к шотландским вопросам. Тем самым шотландские СМИ ограничивали влияние лондонской прессы. Популярные издания следовали этой тенденции, представляя изысканную и стереотипную шотландскую идентичность, идущую в ногу с юнионистскими политическими идеями (особый пример – «Sunday Post»). В иных случаях они имели конъюнктурный характер, играя на стороне Шотландии, когда это было выгодно. В двадцатом веке под руководством шотландского генерального директора Джона Рейта была создана телекомпания BBC, как британский институт, работающий на благо Союза и просвещения всей британской общественности. В определенной степени это способствовало более легкому переходу от имперского сознания к национальному. Начиная с 1950-х годов, коммерческое телевидение стало региональным (Шотландия включала два региона и часть третьего), но содержание новостей было предоставлено из общего источника, дополненного материалами местных бюллетеней.

Традиционным вопросом британской политической мысли (и предметом многочисленных экзаменационных билетов студентов) был афоризм Питера Палзера о том, что класс - это единственное, что действительно имеет значение в избирательной политике. Данную точку зрения Палзер детально проанализировал во втором издании своей книги[2]. На самом деле отношения между классом и электоральным выбором были всегда сильно опосредованы предложениями политических партий и институциональным контекстом выборов, а также территориальными особенностями, влияющими на политические взгляды.

[1] Haggith T. «Citizenship, Nationhood and Empire in British OYcial Film Propaganda, 1939-45», in Richard Weight and Abigail Beach (eds.), The Right to Belong. Citizenship and National Identity in Britain, 1940–1960, London: I.B. Tauris, 1998.
[2] Pulzer P. Political Representation and Elections in Britain, 2nd edition, London: Allen and Unwin, 1972.

В Шотландии раннее рабочее движение, возникшее на местном уровне, оказало влияние на шотландскую культурную идентичность и было обращено к националистической политике, особенно в годы Первой мировой войны[1]. После войны руководство шотландских лейбористов активно сотрудничало со своими английскими коллегами, признавая слабость шотландской экономики, зависимость британских рынков и самого британского государства в период экономического спада. Шотландские профсоюзы объединились с английскими, и движение стремилось быть ближе к центу, работать в сотрудничестве с Лейбористской партией, которая была связана обязательствами с Союзом. В северной части Британии были волнения, но вследствие небольшого населения, это не имело особых последствий, как, например, в Ирландии. Мы не обладаем достаточным количеством фактов относительно того, насколько люди рабочего класса были социализированы в общую британскую идентичность в индустриальную эпоху. Рабочее движение во многом сохранило шотландскую идентичность с помощью особых соглашений с союзным государством, внимания к потребностям Шотландии и к регионалистским призывам необходимости управления на местном уровне.

Высшим классам Соединенного Королевства также удалось сохранить как локальные, так и основополагающие идентичности. Уже на ранних этапах существования Союза шотландские аристократы отправляли своих сыновей в английские государственные школы или школы, основанные в Шотландии по английским канонам, где изучали язык и манеры. В понимании таких исследователей, как Стефан Хейселер и Сэмюель Кларк, этот факт представляет собой некую англизацию, в то время как Линда Колли считает это свидетельством проявления британской идентичности[2]. При этом она настаивает на том, что здесь также коренится привычка говорить «Англия» по отношению ко всем Британским островам. На самом деле, шотландской элите, похоже, пришлось англизироваться, чтобы вписаться в господствующие нравы правящего класса Британии, но, при этом, не дистанцируясь от своего народа, как это случилось в Ирландии и Уэльсе, где наблюдались религиозные различия. Таким образом, аристократия Шотландии, в определенном смысле, уже на самых ранних этапах существования Союза играла роль интегрирующего фактора в британском обществе. С 1950-х годов шотландская элита даже укрепляла свое присутствие в Консервативной партии, несмотря на то, что социальные и экономические изменения, а также спад общественного доверия, подрывали их положение в обществе в целом[3].

С другой стороны, шотландская торгово-промышленная буржуазия отличалась шотландскими манерами и акцентом вплоть до двадцатого века, когда она, как и другие классы пыталась примкнуть к аристократии и отправлять своих детей в государственные школы. Их роль в формировании многогранной британской идентичности и развитии концепции Союза изучалась Г. Мортоном и Д. Маккроуном[4]. Их исследования посвящены анализу идеологического выражения в балансе между ассимиляцией и партикуляризмом. Кстати, с аналогичной дилеммой столкнулась и европейская нестоличная буржуазия, в частности в Каталонии, где динамично развивающийся класс предпринимателей разрывался между испанским государством, в котором он нуждался, но с которым не находил общего

[1] Keating M., David B. Labour and Scottish Nationalism, London: Macmillan,1979.
[2] Haseler S. The English Tribe. Identity, Nation and Europe, London: Macmillan, 1996; Clark S. State and Status. The Rise of the State and Aristocratic Power in Western Europe, Montreal: McGill-Queen's University Press, 1995; Colley L. Britons. Forging the Nation 1707-1837, London: Pimlico, 2nd edition. 2003.
[3] Keating M. The Role of the Scottish MP, PhD thesis, Glasgow College and CNAA, 1975.
[4] Morton G. Unionist Nationalism: Governing Urban Scotland, 1830-1860, East Lothian: Tuckwell, 1999; McCrone D. «Who are We? Understanding Scottish Identity», in Catherine Di Domenico, Alex Law, Jonathan Skinner, and Mick Smith (eds.), Boundaries and Identities: Nation, Politics and Culture in Scotland, Dundee: University of Abertay Press, 2001.

языка и каталонским национализмом, который обещал ему автономию с риском потери испанских рынков. Данная ситуация особенно остро проявила себя во время гражданской войны в Испании. В Шотландии эта проблема была решена ослаблением буржуазии, так как промышленные предприятия либо закрывались, либо поглощались английскими (или иностранными) предприятиями после Первой мировой войны. После Второй мировой войны промышленный класс исчез вовсе из-за национализации и упадка тяжелой промышленности[1].

Предполагалось, что развитие общебританской партийной политики пойдет по той же гомогенизирующей траектории, как и классовая интеграция. Дуополия между Тори/Консерваторами и Вигами/Либералами привела к противостоянию консерваторов и либералов без изменений основных правил игры. Шотландия девятнадцатого века была центром либерализма, но в двадцатом веке ситуация начала меняться и от либерализма осталось лишь дифференциальное распределение социальных классов. Между тем, схожесть во взглядах относительно избирательной кампании не означает проведения единой государственной политики. Вполне возможно, что партии научились грамотно строить предвыборную агитацию в различных частях Британии для того, чтобы получить большинство мест в Парламенте, необходимых для управления.

Шотландский консерватизм был совершенно иным явлением. Он зародился в Англии и активно развивался в двадцатом веке, путем поглощения либерал-юнионистов и даже предпочитая юнионистское название вплоть до 1965 года, представляя кандидатов от консерваторов, либерал-юнионистов, национальных либералов или даже консерваторов-либералов. Он сохранил в себе две традиции. С одной стороны, это была урбанистическая традиция, коренящаяся в промышленных и коммерческих средних классах, а также в протестантских рядах рабочего класса. С другой стороны, шотландский консерватизм впитал сельскую традицию, представленную землевладельческой аристократией. Эта своеобразная «коалиция», безусловно, выступала в пользу англо-шотландского союза и оставалась мощной силой в шотландской политике вплоть до 1960-х годов[2]. Лейбористы Соединенного Королевства привлекали рабочий класс, но начали учитывать голоса шотландских рабочих-католиков только после ирландского соглашения 1922 года. Поэтому, до конца двадцатого века, шотландский консерватизм использовал риторику классовой солидарности против националистической конкуренции в Шотландии, при этом формируя и укрепляя позиции британской идентичности. Обе партии благоволили Шотландии, особенно в середине двадцатого века, обещая больше щедрости из Лондона в обмен на политическую поддержку Вестминстера. Обе партии служили различным интересам населения Шотландии и помогли интегрировать эти интересы в британскую политику, сочетая классовые и идеологические призывы с признанием отдельного шотландского политического пространства.

Двадцатый век привнес дополнительный интегративный фактор в государство благосостояния, основанного на общей британской идентичности и социальной солидарности. Один из послевоенных лейбористов Т. Маршалл писал об этом как о периоде формирования новых прав, следующих за юридическими и политическими правами, что способствовало национальной интеграции[3]. Термин «национальный» свободно употреблялся в таких

[1] Scott J., Hughes M. The Anatomy of Scottish Capital, London: Croom Helm,1980; McCrone D. «Who are We? Understanding Scottish Identity», in Catherine Di Domenico, Alex Law, Jonathan Skinner, and Mick Smith (eds.), Boundaries and Identities: Nation, Politics and Culture in Scotland, Dundee: University of Abertay Press, 2001.

[2] Fry M. Patronage and Principle. A Political History of Modern Scotland, Aberdeen: Aberdeen University Press, 1987; Mitchell J. Conservatives and the Union. A Study of Conservative Party
Attitudes to Scotland, Edinburgh: Edinburgh University Press, 1990.

[3] Marshall T., Bottomore T. (eds.) Citizenship and Social Class, London: Pluto, 1992.

областях, как здравоохранение и социальное страхование с явным британским смыслом. Любопытно, но Маршалл игнорировал многонациональный характер британского государства, ссылаясь на то, что Англия и Великобритания единое целое и представляют единую и однородную нацию. Лейбористы и профсоюзные лидеры иногда высказывали мнение о том, что социальная солидарность была основана на классовом принципе и риторически критиковали национализм, считая, что он разделяет рабочий класс или выступает как форма ложного сознания. Тот факт, что только левоцентристские взгляды допускали подлинный космополитизм, способствующий получению единых прав и свобод рабочему классу, давал истинную возможность существования британской национальной идеи. Как показывает современная социально-политическая и социокультурная ситуация, идея социальной солидарности стала тесно связываться с шотландской национальной идентичностью[1].

Библиография / References:

1. Тюрин Е.А., Савинова Е.Н. Национальный стиль развития политического процесса в современной Шотландии: к вопросу о шотландской идентичности // Власть. – 2015. – № 4. – С. 195 – 201.
2. Тюрин Е.А., Савинова Е.Н. Национальный суверенитет Шотландии в контексте государственной политики управления природными ресурсами // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 2. – С. 197 – 205.
3. Attitudes to Scotland (1990) Edinburgh: Edinburgh University Press
4. Bryce, J. (1887) letter to The Times, quoted in Ian McBride, «Ulster and the British Problem», in Richard English and Graham Walker (eds.), Unionism in Modern Ireland, London: Macmillan.
5. Bulpitt, J. (1983) Territory and Power in the United Kingdom. An Interpretation, Manchester: Manchester University Press.
6. Clark, S. (1995) State and Status. The Rise of the State and Aristocratic Power in Western Europe, Montreal: McGill-Queen's University Press.
7. Colley, L. (2003) Britons. Forging the Nation 1707-1837, London: Pimlico, 2nd edition.
8. Ferguson, W. (1977) Scotland's Relations with England: A Survey to 1707, Edinburgh: John Donald.
9. Finlay, R.J. (1997) A Partnership for Good? Scottish Politics and the Union since 1880, Edinburgh: John Donald.
10. Fry, M. (1987) Patronage and Principle. A Political History of Modern Scotland, Aberdeen: Aberdeen University Press.
11. Fry, M. (2006) The Union. England, Scotland and the Treaty of 1707, Edinburgh: Birlinn.
12. Haggith, T. (1998) «Citizenship, Nationhood and Empire in British OYcial Film Propaganda, 1939-45», in Richard Weight and Abigail Beach (eds.), The Right to Belong. Citizenship and National Identity in Britain, 1940-1960, London: I.B. Tauris.
13. Haseler, S. (1996) The English Tribe. Identity, Nation and Europe, London: Macmillan.
14. Keating, M. (1975) The Role of the Scottish MP, PhD thesis, Glasgow College and CNAA.
15. Keating, M., David, B. (1979) Labour and Scottish Nationalism, London: Macmillan.

[1] Тюрин Е.А., Савинова Е.Н. Национальный суверенитет Шотландии в контексте государственной политики управления природными ресурсами // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 2. С. 197-205; McEwen N. Nationalism and the State. Welfare and Identity in Scotland and Quebec, Brussels: PIE/Peter Lang, 2006; Keating M. Social Citizenship, Devolution and Policy Divergence', in Scott Greer (ed.), Citizenship Rights in the United Kingdom, London: Policy Press, 2009.

16. Macinnes, A.L. (2007) Union and Empire: The Making of the United Kingdom in 1707, Cambridge: Cambridge University Press.
17. Marshall, T., Bottomore, T. (eds.) (1992) Citizenship and Social Class, London: Pluto.
18. McCrone, D. (2001) «Who are We? Understanding Scottish Identity», in Catherine Di Domenico, Alex Law, Jonathan Skinner, and Mick Smith (eds.), Boundaries and Identities: Nation, Politics and Culture in Scotland, Dundee: University of Abertay Press.
19. Mitchell, J. (1990) Conservatives and the Union. A Study of Conservative Party Attitudes to Scotland, Edinburgh: Edinburgh University Press.
20. Morton, G. (1999) Unionist Nationalism: Governing Urban Scotland, 1830-1860, East Lothian: Tuckwell.
21. Nicholas, S. (1998) «From John Bull to John Citizen: Images of National Identity and Citizenship on the Wartime BBC», in Richard Weight and Abigail Beach (eds.), The Right to Belong. Citizenship and National Identity in Britain, 1930-1960, London: I.B. Tauris
22. Pulzer, P. (1972) Political Representation and Elections in Britain, 2nd edition, London: Allen and Unwin.
23. Riley, P.W.J. (1978) The Union of England and Scotland. A Study in Anglo-Scottish Politics of the Eighteenth Century, Manchester: Manchester University Press.
24. Scott, J., Hughes, M. (1980) The Anatomy of Scottish Capital, London: Croom Helm
25. Scott, P.H. (1992) Andrew Fletcher and the Treaty of Union, Edinburgh: John Donald.
26. Webster, W. (2005) Englishness and Empire, 1939-65, Oxford: Oxford University Press.
27. Weight, R. (2002) National Identity in Britain, 1940-2000, London: Macmillan.
28. Whatley, Ch. (2006) The Scots and the Union, Edinburgh: Edinburgh University Press.

1. Tiurin, E.A., Savinova, E.N. (2015) Natsional'nyi stil' razvitiia politicheskogo protsessa v sovremennoi Shotlandii: k voprosu o shotlandskoi identichnosti [National style of development of political process in modern Scotland: to a question of the Scottish identity] // Vlast' [The Power]. – № 4. – P. 195 – 201. (In Russ.)
2. Tiurin, E.A., Savinova, E.N. (2014) Natsional'nyi suverenitet Shotlandii v kontekste gosudarstvennoi politiki upravleniia prirodnymi resursami [National sovereignty of Scotland in the context of public policy of management of natural resources] // Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk [Central Russian Journal of Social Sciences]. – № 2. – P. 197 – 205. (In Russ.)